

ПРОБЛЕМЫ ТИТУЛАТУРЫ РИМСКИХ ИМПЕРАТОРОВ

Пожалуй, едва ли какой-либо сюжет истории античного общества столь запутан и полон противоречий, как история принципата и характер императорской власти. Принципат, казалось бы, буквально соткан из малосовместимых и вовсе несовместимых принципов. С одной стороны, мы видим практически неограниченную монархическую власть, которая контролирует всю жизнь общества, с другой — возникает сложная проблема соотношения власти принцепса и сената, новой бюрократической монархии и старых полисных или, скорее, квазиполисных институтов.

Крайне противоречив правовой аспект римского принципата. Если корни императорской власти совершенно определенно связаны с республиканским правом, то теперь, приобретя новое содержание и оказавшись в новых условиях, старые институты приобретают и качественно новый характер, в значительной степени теряя генетическую связь с прошлым. Так, например, не до конца ясным остается юридическое основание власти императора. Исследователи спорят, был ли это какой-либо особый империй, появившийся при Августе; можно ли считать таким основанием сочетание проконсульского империя и трибунской власти или же его следует искать в более общем и сложном основании, именуемом *auctoritas*.

Вторая проблема — соотношение между принцепсом и сенатом. С одной стороны, император стоит над сенатом и определяет реальную политику государства, а сенатские дискуссии часто выливаются в славословия правителю. Стремление императорской власти подавить сенат достаточно очевидно, однако, вроде бы имея возможность это сделать, правитель не решается доводить эту политику до логического конца, и официальная идеология всячески подчеркивает значение сената и его роль сотрудника принцепса. С другой стороны, сенат является хранителем континуитета императорской власти и может не только не согласиться с принцепсом, но и лишиться его власти. Подавляя сенат, император вынужден с ним сотрудничать.

Ряд противоречий возникает и при определении принципата как военно-бюрократической монархии, которое можно встретить довольно часто. Между тем, бюрократия формируется постепенно и только к концу I — началу II века всеерьез вытесняет сенатскую администрацию, во многом еще основанную на старых республиканских принципах, а понятие "монархия", по крайней мере в том смысле, который оно получило в Средние века и Новое время, довольно трудно применимо к системе, в которой правитель был выборным и считался, хотя бы отчасти, магистратом "республики". Официальная идеология постоянно подчеркивает, что положение не изменилось, *libertas* продолжает существовать, а принципат есть возрождение и новый этап развития "свободной республики".

Разумеется, рассмотреть этот комплекс проблем в пределах статьи невозможно, и ее сюжетом станет более частный вопрос о титулатуре императора, на примере которого можно проследить некоторые закономерности развития идеологии принципата. Тем не менее, прежде, чем переходить к исследованию этого сюжета, необходимо сделать несколько замечаний общего характера.

Историки времени принципата, независимо от их политических взглядов, отчетливо понимали, что конец гражданских войн и приход к власти Августа были началом новой эпохи. Пожалуй, наиболее отчетливо представление о принципате, как о восстановленной республике выражено в *Res gestae* Августа (1.3.35) и сочинении Веллея Патеркула (II, 89), однако и они не ставят знак равенства между эпохой до времени Августа и временем после него. Авторы следующего поколения уже совершенно определенно проводят грань между эпохами. Сенека (*De clem.* I.9) противопоставляет *principatus* и *commune rei publicae* и выдвигает идею, что с установлением принципата заканчивается установленная Юнием Брутом свобода, начинается единовластие, и Римская держава вступает в стадию старости. Это изменение очевидно и для Тацита. Вначале Римом правили цари,

затем Луций Брут установил "свободу и консульство" (*libertatem et consulatum*). Этот строй был прерван режимом децемвиров, а затем после *dominatio* Цинны и Суллы и *potentia* Цезаря, Помпея и Красса государство перешло в руки Августа, взявшего его под свой *imperium* (Тас. *Ann. I.1*).

Еще более определенно проводят разделение более поздние авторы. Светоний начинает свой труд с биографии Юлия Цезаря. Аппиан (В.с.1.6) указывает, что единовластие (*μοναρχεία*) было основано Цезарем и Августом. Дион Кассий, наиболее подробный историк принципата Августа, нисколько не сомневается, что власть последнего была монархией (Dio Cass. 53.17.2; 18.2; 52.40.1), и его интерес ко времени этого императора как раз и был вызван переломным характером эпохи. Л. Анней Флор начинает с Августа последнюю эпоху римской истории, время старости (Flor. I.8), а в IV в. эту схему заимствует Аммиан Марцеллин (XIV.6.3–5). С Августа начинается монархия и для Геродиана (I.1.4) и Зосима (I.5.2–4).

Вместе с тем, современники Римской Империи понимали и известную раздвоенность своей эпохи. Тацит в речи Гальбы, обращенной к Пизону, пишет, что последнему предстоит править людьми, "которые не могут терпеть ни полное рабство, ни полную свободу" (*imperaturus es hominibus, qui nec totam servitutem pati possunt nec totam libertatem*. Hist. I.16). *Tota* в данном случае обозначает всю полноту качества и перевод Г.С.Кнабе как "настоящая" представляется раскрывающим смысл слова. Дион Кассий (56.43.4) считает, что Август соединил монархию с демократией, гарантировав общество и от демократического "безрассудства" и от тиранического произвола. В *Res gestae* постоянно говорится о восставлении *res publica* и передаче власти в руки сената и народа, лозунг *libertas* продолжает оставаться одним из главных при принципате, а пропаганда времени Империи всячески подчеркивает различие между римским принцепсом, правящим по закону, и варварскими правителями, которые властвуют по произволу.

Сами императоры понимали свои права и обязанности по-разному, и весьма характерным примером являются два высказывания двух разных по стилю правления императоров. Нерон похвалялся, что ни один император до него не понимал, что дает принципат (Suet. Nero. 37), а Антонин Пий, став принцепсом, сказал жене, что теперь потерял и то, что имел (SHA. Pius. 7). Если один принцепс считал себя стоящим выше богов, то другого хвалили за то, что он вел себя как рядовой сенатор. В рамках самого принципата существовал, таким образом, широкий диапазон интерпретации прав и полномочий принцепсу.

Не удивительно, что такая сложная и противоречивая политическая система не могла не вызывать различные оценки в историографии. Можно выделить четыре основных взгляда на принципат, развитие которых происходило в хронологическом порядке.

Первый из них существовал со времен поздней античности до появления "*Römisches Staatsrecht*" Т. Моммзена. Типичным для этого этапа был взгляд на принципат как на монархию, типологически мало отличающуюся как от эллинистических монархий, так и от монархий Западной Европы. Таким видели принципат историки Возрождения и Просвещения, эта же точка зрения встречается у историков XVIII и начала XIX в. (Ж. Боссюэ, Ш. Монтескье, Ф. Шампаньи, Ж.Ж. Ампер). У некоторых исследователей, например у Л.де Тиллемона и Эд.Гиббона, уже появляется взгляд на принципат, как на переходную форму от республики к монархии, однако и для них история Рима четко делится на Республику и Империю, а принципат однозначно квалифицируется как монархия¹. Это принципиальное определение было главным итогом первого этапа исследования.

¹ *Ampere J.J. L'Empire Romaine a Rome. T. 1. P., 1867; Tillemont L.de. Histoire des empereurs. V. IV. P., 1872. P. 1 ff.; Gibbon Ed. The History of the Decline and Fall of the Roman Empire. 2 ed. V.1. L., 1897. P. 379.*

Новый взгляд на принципат и второй этап его изучения был связан с фундаментальным трудом Т. Моммзена "Römisches Staatsrecht". Исследовав правовой аспект магистратской и императорской власти, Моммзен обратил внимание на сущность магистратского империя и наличие континуитета между империем царей, республиканских магистров и императоров и рассматривал эту правовую структуру как нечто неизменное на протяжении истории Рима. По мнению немецкого исследователя, власть принцепса представляла собой не монархию, а чрезвычайную магистратуру, состоящую из двух основных элементов: проконсульского империя и трибунской власти, которые дополняются рядом полномочий частного характера. Опираясь на эти выводы, Т. Моммзен пришел к выводу, что созданная Августом и поддерживаемая его преемниками политическая система представляет собой двоевластие (диархию) императора и сената².

Заслугой Т. Моммзена является то, что он впервые детально рассмотрел правовую основу принципата и поставил проблему принципата как системы. Именно он впервые определил принципат как сложную систему политического дуализма и отметил роль республиканской традиции в его формировании. Теория Т. Моммзена вскоре стала господствующей, и большинство исследователей в конце XIX — начале XX в. стали ее сторонниками.

Некоторые, как П. Виллемс, приняли ее практически целиком³, другие, как Эд. Мейер или Г. Ферреро, шли даже дальше и видели в принципате восстановленную республику⁴. Наконец, третьи принимали ее с существенными оговорками. Так, Э. Миспуле, соглашаясь с мнением Т. Моммзена, что власть Августа и его преемников была составлена из полномочий республиканских магистратов, отказывался видеть в Империи систему диархии и объявлял принципат абсолютной монархией⁵.

Третий этап исследования принципата был начат работой В. Гардтгаузена, который вернулся к тезису о монархическом характере принципата. Исследуя главным образом политическую историю империи, он считал восстановление республики конституционной фикцией и отрицал наличие диархии. Хотя в правовом плане власть римских императоров была совмещением республиканских магистратур, это последнее придавало ей принципиально иное, новое качество⁶.

Довольно скоро теория монархии нашла большое количество сторонников. Они выступили против преувеличения роли правового фактора, поставив в центр исследования реальную социально-политическую сущность режима принципата и сделав предметом рассмотрения некоторые новые аспекты, как, например, культ императора⁷. Такого рода пересмотр был необходим, однако историческая реальность оказывалась значительно сложнее этой правильной в своей основе схемы. Целый ряд явлений правового, идеологического, политического и религиозного характера оказывались необъяснимыми с этих позиций, а отбрасывать их, считая фикцией, ширмой и порождением лицемерной политики Августа и его преемников, становилось все труднее. Это вызвало появление новых теорий, постепенно вытеснивших теорию монархии.

Уже в 20—30-е годы XX в. появляются работы, в какой-то степени возрождающие теорию Т. Моммзена о наличии политического дуализма⁸. Новая концепция принципата впервые с достаточной полнотой была выражена А. фон Премерштейн-

² Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd 2. Lpz, 1887.

³ Willems P. *Le droit public Romain*. P., 1883; Karlowa E. *Römische Rechtsgeschichte*. Lpz. 1885. S. 494; Schiller H. *Geschichte der römischen Kaiserzeit*. Bd 4. B., 1887. S. 483—744.

⁴ Meyer Ed. *Kaiser Augustus* // Meyer Ed. *Kleine Schriften*. Halle. 1910. S. 441—492.

⁵ Mispulet Cl. *Les institutions politiques des Romains*. V. 2. P., 1883.

⁶ Gardthausen V. *Augustus und seine Zeit*. Bd 2. T. 1. B., 1891—1904.

⁷ Gage J. *De Caesar à Auguste. Ou est le probleme des origines du principat?* // RH. 1936. P. 279—342.

⁸ Dessau H. *Geschichte der Römischen Kaiserzeit*. B., 1924. S. 61.

ном. Премерштейн считал, что власть императора имела в основе систему клиентов, на базе которой создавались "личные партии" политических деятелей эпохи гражданских войн. С победой Августа такая "личная партия" пришла к власти и стала во главе общины, а принцепс стал патроном всего государства, превратившегося в его клиентелу. Премерштейн считает, что принципат — это господство императора, но правовая форма этого строя выходит за пределы смысла, понятного современному историку. Принцепс является главой государства, но четко фиксированного правового положения он не имеет⁹.

Идея принцепса как правителя без четко фиксированных полномочий при доминировании неправовых факторов в его положении становится весьма популярной. Так, М. Грант и А. Маделен видят главный источник власти императора не в каких-либо правовых основах, а в особом личном авторитете, который, по их мнению, выражен в понятии *auctoritas*¹⁰.

Новая концепция принципата получила свое окончательное оформление в ряде работ 40–60-х годов и преобладает в западной историографии и по сей день. В. Кункель выдвинул тезис о том, что единой монархической конституции, по сути дела, не было, и ее элементы были по возможности определены в рамках республиканского права, а потому не могли выразить в правовом плане идею новой монархии¹¹. Другой исследователь, Эрнст Мейер, полагает, что государственную систему принципата можно описать, но нельзя четко дефинировать¹².

Наиболее полно эти взгляды на сущность принципата выражены в работах Л. Викерта. Примечательно, что именно им написаны статьи в RE и в международном издании "Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt", причем вторая представляет собой развернутый комментарий к первой. Подробно проанализировав практически все аспекты принципата как системы, он приходит к следующему выводу: "Определить характер монархического принципата в государственно-правовом плане нам мешают методы, которые сознательно и бессознательно используют принцепсы и их помощники, чтобы привести в соответствие видимость и действительность. Можно описать эту государственную форму, но ее нельзя четко дефинировать... Сочетание правовых и политических элементов, которые соединились, но не слились в принципате, не определяется ни одной из известных нам государственно-правовых категорий"¹³.

Такая постановка вопроса вызывает определенные возражения. Ставя в центр исследования правовые, социологические и идеологические аспекты, ее сторонники обращают меньше внимания на экономические и политические факторы, что представляет императорскую власть в известной изоляции от внутренней и внешней политики Империи. Заметен и методологический тупик, который выразился в откaze от дефиниции системы принципата.

В русской историографии с самого начала утвердился тезис о принципате как монархии. После выхода в свет "Römisches Staatsrecht" Т. Моммзена отечественная историография вступила в полемику с немецким исследователем, в ходе которой выработала более сильную аргументацию. В.И. Герье выступил как против идеи о континуитете римского государственного строя на протяжении всей его истории, так и против тезиса о диархии, считая, что власть принцепса была монархической, а "восстановленная республика" — прикрывающей ее правовой фикцией¹⁴.

⁹ *Premierstein A. von. Vom Werden und Wesen des Prinzipats. B., 1937. S. 63 ff.*

¹⁰ *Grant M. From imperium to auctoritas. A Historical Study of the Aes Coinage in the Roman Empire 49 B.C. — 14 A.D. Cambr., 1946; Magdelaine A. Auctoritas principis. P., 1947.*

¹¹ *Kunkel W. Römische Rechtsgeschichte. B., 1948. S. 35.*

¹² *Meyer Er. Römische Staat und Staatsgedanke. B., 1948. S. 338.*

¹³ *Wickert L. Princeps (civitatis) // RE. 1954. XXII. Sp. 2296; idem. Forschungen zum Römischen Prinzipat // ANRW. 1972. S. 76.*

¹⁴ *Герье В.И. Август и установление империи // Вестник Европы. 1877. № 6.*

Наиболее последовательная критика концепции Т.Моммзена содержится в работе Э.Д.Гримма. Автор считает принципат монархией, хотя и отмечает, что монархическая власть переживает этап становления и окончательно складывается только во времена Юлиев — Клавдиев и Флавиев. Э.Д.Гримм не только противопоставляет правовым аргументам школы Т.Моммзена исследование политической реальности, но и считает, что немецкий исследователь неправильно определил собственно правовую сущность принципата, которая представляла собой не "диархию", а настоящий монархический строй¹⁵.

Отличительной чертой советской историографии является интерес к социально-экономическому содержанию принципата. Уже в работе В.С.Сергеева принципат определяется как "республиканская монархия", представляющая известный компромисс между военной монархией и сенатской властью, который, однако, развивался в сторону монархического строя¹⁶.

Наиболее полно проблемы принципата были исследованы в работах Н.А.Машкина, С.Л.Утченко и Г.С.Кнабе. Характеризуя социальную опору принципата, Н.А.Машкин отмечает, что режиму приходилось лавировать между различными социальными группировками, ни одна из которых не была его единственной опорой. Характерной чертой принципата была юридическая неопределенность, однако, несмотря на это, можно говорить о монархической сущности принципата¹⁷. С.Л.Утченко определял принципат, как монархию, отмечая, что республиканские элементы были ширмой, ловко используемой властью для прикрытия своего положения¹⁸. Г.С.Кнабе, опираясь на разработанную в советской историографии 60–80-х годов проблему полиса, решает вопрос о принципате именно с этих позиций. Одной из главных задач Империи было приведение полисной системы в соответствие с потребностями Рима как мировой державы. Принципат возник из необходимости решить эту задачу и носил компромиссный характер. Такой компромисс предполагал сохранение республиканских политических форм, с одной стороны, и опору на те силы, которые выступали как разрушители традиционных норм, с другой¹⁹.

Таким образом, в советской историографии намечались перспективные пути решения проблемы принципата. Вместе с тем, ряд аспектов ее остаются нерассмотренными, и одним из таких вопросов является вопрос об императорской титулатуре.

Рассмотрение титулатуры имеет смысл по ряду причин. Во-первых, это очень удобный исходный пункт для рассмотрения сущности императорской и любой другой монархической власти, во-вторых, титул, как правило, очень четко выражает идеологическое и правовое положение его носителя, а рассмотрение терминологии может служить хорошим начальным этапом для рассмотрения существа дела.

Правитель монархического государства обычно имеет полный официальный титул и более краткие варианты титула, употребляемые в обиходе. Первый обычно множественен и используется в официальных документах, а второй состоит из одного-двух слов.

Лучшим источником для восстановления полного титула являются надписи. Основные его элементы появляются уже при Августе, и надпись Dessau 104 дает наиболее типичный вариант: *Imperator Caesar divi f. Augustus, pontifex maximus, cos. XIII, tribunicia potestate XXXII, imp. XXVI, pater patriae*. Основными элемента-

¹⁵ Гримм Э.Д. Исследования по истории развития императорской власти. Т. I. СПб., 1900. С. 243–248, 361, 387, 402–403, 453.

¹⁶ Сергеев В.С. Очерки по истории древнего Рима. М., 1938. С. 373–411.

¹⁷ Машкин Н.А. Принципат Августа. М. — Л., 1949. С. 382, 393.

¹⁸ Утченко С.Л. Кризис и падение римской республики. М., 1952. С. 266–268.

¹⁹ Кнабе Г.С. Корнелий Тацит и проблемы истории древнего Рима эпохи ранней Империи. М., 1983. С. 140, 142–143, 168.

ми титула оказываются, таким образом, следующие: преномен "император", имена "Цезарь" и "Август", титулы верховного понтифика и консула, указание на трибунскую власть и количество императорских аккламаций и титул отца отечества.

Такая полная надпись — явление нечастое для времени Августа. Как правило, те или иные компоненты титула опускаются. Так, в 32 надписях с титулом Августа, приведенных у Г. Дессау, преномен императора встречается 31 раз, число аккламаций упомянуто 15 раз, титул верховного понтифика — 14, отца отечества — 10, а упоминание трибунской власти и консульства встречается в 20 надписях.

Имя Августа в полном титуле встречается в разных вариациях: *Imp. Caesari divi f. Augusto pontif. maxim., cos. XI, tribunic. potest. XI* (Dessau 89); *Imp. Caesar divi f. Augustus, pontifex maximus, imp. XII, cos. XI, trib. pot. XIV* (Dessau 91); *Pater patriae Imp. Caesar divi f. Augustus, pontifex maximus, cos. des. XIII, tribunic. potestat. XXI* (Dessau 100); *Imp. Caesari Aug. parenti patriae* (Dessau 101). Достаточно различны и варианты титула на монетах, где сокращение вызывалось и дополнительными соображениями, трудностями чеканки и отсутствием места: *Caesari Augusto; Caesaris Augusti divi f.; Aug(ustus); Aug. trib. pot.; Caesar Augustus divi f. pater patriae; Imperator Caesar divi f. cos. VI*.

Сходна с августовой и титулатура Юлиев—Клавдиев, а ее неустойчивость выражается в целом ряде факторов. Во-первых, какой-либо элемент титула может отсутствовать. Так, Клавдий вообще не пользовался императорским преноменом, которого практически нет и в надписях Нерона. Более того, в источниках содержится совершенно определенное указание на то, что Клавдий от этого преномена вообще отказался (Suet. Claud. 12). Светоний сообщает об аналогичном отказе Тиберия (Suet. Tib. 26), хотя в его надписях титул иногда встречается. Звание отца отечества Тиберий взял только в 31 г., т.е. через 17 лет после прихода к власти, не сразу принимает его и Нерон. Позднее Вителлий отказался от имен "Цезарь" и "Август". Во-вторых, можно было опускать отдельные элементы титула в целях экономии места. Пропускаются, как правило, титулы отца отечества, число аккламаций и консульства. Наконец, часто происходит перемена мест отдельных частей титула, причем зачастую таким образом подчеркивается какая-либо сторона деятельности императора, например, в качестве верховного понтифика в надписях, связанных с религией. Таким образом, порядок титулов в надписи Dessau 104 является наиболее частым, но никоим образом не единственно возможным.

В надписях и отчасти на монетах императоров от Веспасиана до Пертинакса порядок, характерный для надписи Dessau 104, становится более жестким и соблюдается гораздо систематичнее, что говорит о фиксации титулатуры, однако и здесь пропуски отдельных титулов и перемены их мест не исчезают. Например, в надписях Нервы, Адриана и Антонина Пия часто пропускается число аккламаций, а Тит и Траян, наоборот, это фиксировали. В надписях Тита не встречается титул "отец отечества".

Новое изменение заметно при Северах. Наряду с титулами традиционного типа в надписях появляются два новых варианта. Первый — это сокращение старого титула: *Caesar Augustus*. Это новшество явно имело монархический смысл, поскольку все компоненты, наиболее связанные с республиканской титулатурой, были убраны. Еще сильнее эта тенденция видна в появлении титула *dominus noster* "наш господин", обычно употребляемого только в сочетании с именами "Август" и "Цезарь".

В императорской титулатуре III в. можно выделить четыре типа титулов. Это, во-первых, старый развернутый флавианско-антониновского типа титул (например, Dessau 489 — Максимин), во-вторых, титул *Imperator Caesar Augustus* (например, Dessau 532 — Галлиен и Валериан), в-третьих, *dominus noster* (например, Dessau 531 — Валериан и Галлиен) и, наконец, сочетание первого и третьего типов

(например, Dessau 642 — Диоклетиан и его соправители). Начиная с Диоклетиана, четко заметно преобладание второго и третьего типов, при Константине *dominus posterus* практически вытесняет все остальные варианты, а с V века становится практически единственным.

Таким образом, титулатура императора состояла из сочетания весьма различных в правовом, социально-политическом и идеологическом отношении титулов, которые постоянно менялись, а жесткий фиксированный порядок практически не соблюдался. Все это говорит о крайней сложности правового и идеологического восприятия императорской власти.

Это еще более заметно при рассмотрении кратких титулов, где основной материал дают литературные источники. На роль такого краткого обиходного обозначения могут претендовать титулы *dominus* и *imperator*, имена-титулы "Цезарь" и "Август" и редкий в документах, но распространенный в литературных текстах титул *princeps*. Заметим, что статистически ни один из них не является единственным обозначением правителя, а некоторые обозначают не только его.

Литературные источники также показывают значительное разнообразие. У Веллея Патеркула Август и Тиберий, как правило, именуются *Caesar* (51 раз), Август 16 раз назван *Augustus*, Тиберий — ни разу. *Imperator* по отношению к правителю встречается всего 3 раза (вообще в тексте — 10 раз), а титул *princeps* — 11 раз. В тексте Тацита слово *princeps* встречается 315, *imperator* — 107, а *Caesar* — 223 раза по отношению к принцепсу и 58 раз по отношению к членам правящего дома. Светоний использует *princeps* — 48, *imperator* — 29, а *Caesar* — 52 раза. Наконец, в тексте Аврелия Виктора и "Эпитомы о Цезарях" *princeps* встречается 48, *imperator* — 29, *Caesar* — 42, а *Augustus* — 15 раз.

Плюрализм и неопределенность усиливаются за счет нескольких дополнительных факторов. Принцепса часто называют просто по личному имени, либо посредством описательных форм типа: *arbiter rerum*, *rector generis humani*, *rerum potitus*, *omnium rerum potitus*, *rector*, *dominus rerum*. Такая неопределенность терминологии достаточно типична для политической терминологии римлян.

Столь же различные обозначения имела сама власть. Как правило, ее называют *imperium*, что, однако, обозначает не только императорскую власть, но и власть магистрата республики и даже власть вообще. Реже встречается *principatus*, которое меньше раскрывает содержание власти и больше передает идею первенства. Пропорция между этими двумя терминами выглядит следующим образом: у Тацита 96:43, у Светония 71:17, у *Scriptores Historiae Augustae* — 293:8, у Аврелия Виктора — 92:4, у Веллея Патеркула — 7:3. Кроме этих терминов, императорскую власть обозначают словами *potentia*, *potentia supra*, *potestas*, не говоря уже о более конкретных *regnum*, *tyrannis*, *dominatio*, *dominatus*.

Терминология греческих авторов подтверждает имеющуюся картину. Так, у Диона Кассия правитель чаще всего обозначается как *αὐτοκράτωρ* — 133, а также *Καῖσαρ* — 76, *δεσπότης* — 13, а в отдельных случаях — *μόναρχος*, *κύριος ἡγεμών*, *πρόκριτος*. У Плутарха в биографиях Гальбы и Отона *αὐτοκράτωρ* встречается 28, *Καῖσαρ* — 34, *ἡγεμών* — 4 раза, в редких случаях императора называют *Σεβαστός* или *ἄρχων*. Несколько отличается терминология Геродиана, который предпочитает называть правителя *βασιλεύς* (118 раз), но использует и *αὐτοκράτωρ* — 21, *Καῖσαρ* — 14, *Σεβαστός* — 15 раз, а кроме того, *δεσπότης*, *ἄρχων*, *τύραννος*.

При обозначении власти у этих авторов встречаются: *αὐταρχία*, *μοναρχία*, *ἡγεμονία*, *βασιλεία*, *ἀρχή*, *κράτος*, *ἐξουσία*, *τύραννις*, *δεσποτεία* и описательные формы *προστασία τῶν κοινῶν*, *αὐτοτελῆ ἀρχῆ*, *ἐξουσία τοῦ αυτοκράτορος*. Кроме того, ни один из терминов, кроме имен "Цезарь" и "Август", не является точным переводом с латыни, а два важнейших титула, *princeps* и *imperator*, строго говоря, не имеют греческих эквивалентов. С другой стороны, *ἄρχων* и тем бо-

лее ἡγεμόνι могут обозначать не только императоров, но и их чиновников, дуксов, префектов, наместников провинций.

Следующим этапом исследования должно быть рассмотрение конкретного политического содержания терминов *princeps* и *imperator*. Термин *princeps* детально разобран Л. Викертом. Немецкий исследователь прав, когда утверждает, что слово *princeps* нельзя считать четким фиксированным монархическим титулом римских императоров²⁰, однако мы не согласны с полным отрицанием содержащегося в термине правового значения²¹. Будучи в основе неправовым понятием, термин *princeps* проникает и в юридические тексты и в надписи и приобретает определенный правовой оттенок.

Л. Викерт убедительно показывает, что в отдельных сочетаниях *princeps* может терять свой особый терминологический смысл, что иллюстрирует небольшая, но характерная подборка, сделанная нами из смысловой цепи, построенной автором. *Princeps civitatis – principes eius ordinis – princeps Romanae civitatis* (Liv. XXVII. 11. 11) – *iudicio gloriae... rebus gestis princeps* (Cic. Ad sen. 5) – *princeps civitatis atque eloquentiae* (Vell. Pat. II. 22. 3)²². Если в первом сочетании терминологический характер слова виден весьма отчетливо, то постепенно этот смысл утрачивается. С другой стороны, первые части цепи связаны с политическим контекстом, а последние уже полностью лишены этой связи. Слово *princeps* принадлежит политическому словарю по преимуществу, но отнюдь не исключительно. Так, Веллей Патеркул называет Вергиция *princeps carminum* (Vell. Pat. II. 36), а Светоний использует *princeps gregis* (Suet. Calig. 58).

Кроме того, в политическом контексте термин *princeps* не является исключительным обозначением римского правителя. Рассматривая текст Ливия, Л. Викерт находит, что этот автор использует термин по отношению к различным государствам, в том числе городам Италии, Греции и Македонии, *principes* есть в Галлии, Испании, Нумидии, Карфагене. Подобного рода примеры можно найти как у Цезаря, Саллюстия и Варрона, так и у авторов императорской эпохи: Тацита, Светония, Аммиана Марцеллина, *Scriptores Historiae Augustae*²³. Заметим, что это обычно либо немонархические государства и полисы, либо племена, находящиеся на ранней стадии государственности, либо государства с полумонархической, диктаторской или скрытой монархической формой правления. Как правило, если речь идет об иностранном государстве, термин употребляется во множественном числе, однако встречается и единственное: Маробод (Vell. Pat. II. 108) и Сегимер в независимой Германии (*ibid.* II. 117); лидеры галльских повстанцев Сакровир и Флор (*ibid.* II. 117); пальмирский правитель Оденат (SHA. Aurel. 33); неизвестный *princeps* из греческих провинций (Suet. Claud. 16)²⁴.

Наконец, термин *princeps* очень широко используется применительно к политическим деятелям Республики. Л. Викерт видит основное различие между эпохами Республики и Империи в том, что при Республике существует плюрализм – *principes*, на смену которому приходит единичность – *princeps* в империи. Вместе с тем есть факты, показывающие, что дело обстоит несколько сложнее – единичность *princeps* встречается и при республике. Викерт приводит список из 72 политических деятелей республиканского периода, названных *principes*, от Госта Гостилия до Секста Помпея, в числе которых упомянуты Фурий Камилл, оба Сципиона, Марий, Сулла, Красс, Помпей, Цезарь и др.²⁵.

Плюрализм *principes* не исчезает и при Империи. *Principes viri* окр. зают императора, образуя элиту сената и управленческого аппарата. Они вместе с Августом

²⁰ Wickert. *Princeps...* Sp. 2001.

²¹ *Ibid.*

²² *Ibid.* Sp. 2036–2037.

²³ *Ibid.* Sp. 2004–2014.

²⁴ *Ibid.* Sp. 2006–2014.

²⁵ *Ibid.* Sp. 2017–2028.

отстраивают Рим (Vell. Pat. II.89.4), Тиберий созывает совет из 20 *principes civitatis* (Suet. Tib. 55), с *principes civitatis* советуются Клавдий и Нерон (Suet. Claud. 35; Tac. Ann. XV. 5). Л. Викерт приводит список из 27 человек, названных *principes civitatis* у авторов императорской эпохи, которые не являются императорами²⁶. Постепенно дистанция между *principes* и *principes* увеличивается, что заметно и в терминологии. Если в первом понятии усиливается фиксированность, то во втором она исчезает, эти люди становятся *principes viri*, *primores*, *primores civitatis*. Примечательно, что старое представление остается и в таком позднем источнике, как *Scriptores Historiae Augustae*, где принцепсом назван еще не ставший императором Валериан (SHA. Trig. Tug. 12). Зенобия пишет в письме Аврелиану: *Gallienum, Aureolum et ceteros principes non putavi* (ibid. 30). По крайней мере, Авреол императором не был, а под *ceteri* явно имеются в виду лица, не занимавшие трона.

Таким образом, анализ термина *principes* позволяет сказать, что он выражает идею главенства в самой общей форме. Это и глава государства, единоличный правитель, но это и первый среди равных. Такое расплывчатое монархическое понятие определенно сохраняет генетическую связь с республиканской терминологией.

Обозначение *imperator* также досталось в наследство от республики — его первое известное нам упоминание встречается уже в "Анналах" Энноя. К I в. до н.э. термин имеет уже двойной смысл, причем трудно сказать, какой оттенок является более древним. Во-первых, это общий термин, обозначающий военное командование, т.е. *imperator* как носитель *imperium*. Во-вторых, *imperator* — это титул, который солдаты давали победоносному полководцу. Римляне даже пытались определить минимум убитых врагов, достаточный для получения этого титула (10 тыс. по Аппиану, 4–6 тыс. по Диодору, 1–2 тыс. по Цицерону)²⁷. Эти два значения могут использоваться в единстве, в разграничении и в противопоставлении. До II–I вв. до н.э., как правило, *imperator* фигурирует во втором значении, и противопоставления нет. Последнее становится более частым во времена гражданских войн. Так, Цезарь (Bell. Civ. III.31) пишет, что Сципион без всяких оснований получил императорскую аккламацию. У Саллюстия императором назван восставший против законного правительства Катилина (Sall. Cat. 60). В "Африканской войне" описано, как солдаты Цезаря и Сципиона возмущаются тем, что их противники называют своих командующих императорами (Bell. Afr. 45).

Установление принципата обозначило здесь переход более резкий, чем в случае с *principes*, что связано с более официальным характером термина и его связью с военным управлением. "Частные" императоры исчезли не сразу, но достаточно быстро, и последним носителем такого титула был Юний Блез в 23 г., после чего императорский титул получали только принцепсы (Tac. Ann. III.74). Тем не менее старые традиции продолжали существовать, проявившись довольно необычным способом. Принцепсы сохранили различие смыслов титула (носитель империя и победоносный полководец) и присвоили оба: первый в качестве *praepositi*, а второй в виде второго титула с указанным количеством аккламаций. Август вслед за Юлием Цезарем берет себе императорский *praenomen*, однако в Ранней империи его употребление имеет хаотический характер. Некоторые правители его не берут, хотя это вовсе не лишает их военной власти, другие используют его нерегулярно (Калигула, Нерон). Иногда императоры ставят его после имени, что превращает звание из имени-титула просто в титул. С Нервы и Траяна титул становится непременным атрибутом официаль-

²⁶ Ibid. Sp. 2028–2029.

²⁷ Rosenberg E. *Imperator* // RE. 1914. Bd 17. Sp. 1140–1154.

ных документов, со времени Септимия Севера он конкурирует с *dominus poster*, а ко времени Константина почти исчезает.

Для окончательного суждения сопоставим употребления терминов *imperator* и *princeps*. Чаще всего, особенно у поздних авторов, они используются как синонимы и, как правило, это не разные содержания, а скорее — разные формы выражения. Вместе с тем, различие явно имеет место и особенно заметно оно у Тацита. Термин "император" чаще всего встречается у него там, где речь идет об армии и военных действиях, т.е. в 1-й и 2-й книгах "Анналов" и в "Истории". В книгах 3—5, где описания войн практически нет, чаще используется *princeps*. Увеличение пропорции в сторону термина "император" показывает и милитаризацию Империи и усиление авторитарного характера власти.

Иногда, однако, мы встречаем и противопоставление. Наиболее характерный случай — это высказывание императора Тиберия у Диона Кассия: *δεσπότης μὲν τῶν δούλων, ἀδτοκράτωρ δὲ τῶν στρατιωτῶν τῶν σε λοιπῶν πρόκρίτος εἶμι* (Dio. 57, 8. 2). "Я — господин для рабов, император для воинов, а для остальных — принцепс". Сходно и высказывание Плиния Младшего: *cui principi cives, cui imperatori milites peperissent* (Pan. 22.9).

Все сказанное выше позволяет уточнить значения обоих титулов. Если *princeps* выражает более гражданский стиль правления, неопределенное первенство с элементом республиканского наследия, то *imperator* — термин военный и отражает более военный и авторитарный характер власти. Последний титул сильнее фиксирован и выражает монархическую сущность в гораздо большей степени. Единство преобладает над различием, но последнее не исчезает целиком.

Термин *dominus poster* помогает определить развитие императорской власти. Из фразы Диона Кассия видно, что из всех трех понятий он выражает самую сильную степень власти. Понятие *dominus* взято из частноправовой сферы и предполагает качество господина по отношению к рабу (*servus*) или вообще подвластному человеку. *Dominus* может быть противопоставлено *imperator-princeps*, может быть синонимом и, наконец, может использоваться в сочетании. Первый вариант чаще используется в начале, а второй и третий — в конце Империи. Наконец, именно в Поздней империи появляется странное сочетание *dominus* и *libertas*, утратившее старый дуализм, и другое сочетание *dominus liberorum*. В одном из латинских панегириков сказано: *ut... cum domini vocemini, libertati civium serviatis* (Pan. III.13.3). Наконец, слово *dominus*, как и *princeps*, допускает использование не в строго терминологическом значении: *dominus liberorum* — *dominus generis humani* (Aug. Viet. 39) — *omnium dominus urbium, omnium nationum* (Pan. V.44.5). Титул *dominus* существует буквально с начала Империи. Август и Тиберий его отвергают, но то, что он был им предложен, показывает, что для некоторых из императорских приближенных он не звучал одиозно. Калигула же и Домициан заставляли называть себя именно так. Еще у Тацита и Светония *dominus* чаще всего содержит пейоративный оттенок, однако Плиний называет так Траяна, а Адриан первым именуется *dominus* в латинских папирусах²⁸. В греческих надписях *κύριος* и *δεσπότης* встречаются и ранее. Начиная с Септимия Севера, *dominus* начинает фигурировать в латинских надписях, а с Диоклетиана появляется регулярно.

Дополнительные оттенки придают термины *rex* и *tyrannus*, которые, не будучи титулами правителя, часто используются по отношению к нему. Чтобы понять смысл термина *rex*, надо определить, какое политическое содержание вкладывали в него римляне. Самым ранним было представление о римском рексе, который во многом мыслился, подобно термину "принцепс", как выборный правитель, имеющий большую власть, но обязанный править по закону и в согласии с сенатом и народом. На это представление наслоилося нечто противоположное,

²⁸ Wickert. *Principes...* Sp. 2130—2135.

связанное с образом последнего царя Тарквиния Гордого и практически тождественное с понятием *tyrannus*, незаконным правителем, подавляющим общество. Таким образом, римский термин *rex* имел двойственное и противоречивое значение, на которое наслоилося греческое понятие *βασιλεύς*, также созданное из синтеза философского представления о царе как легитимном и хорошем правителе, противопоставляемом тирану и правящем на благо подданных, и другого образа, основанного на реальной политической действительности эллинистического времени. Вся сложность этого понятия хорошо вписывалась в терминологию принципата.

В начале Империи, как и во времена Республики, *rex* чаще выступает в своем пейоративном плане, и такое обращение к императору избегается. Особенно силен этот оттенок у Тацита, а Марциал (XII, 15.4) называет Домициана *superbus rex*. Вместе с тем Сенека часто использует слово *rex* в значении хорошего правителя (*De clem.* I.3.3; 4.3; II.1.3; 5.2). Плиний, Сенека, Квинтилиан и Светоний часто используют *rex* как синоним к *imperator*²⁹. Косвенным путем слово проникает и в официальную терминологию — *lex regia* (*Dig.* I.4.1 — Ульпиан).

Источники четко ощущают правовую разницу между *rex* и *princeps* (*Tac. Hist.* I.16), однако по мере развития императорской власти историки начинают осознавать близость понятий. Светоний (*Tib.* 14.2) пишет о предсказании, данном Тиберию: *etiam regnatum, sed sine regio insigni ignota, scilicet Caesarum potestate* — "он будет править, но без царских инсигний; тогда, следовательно, еще не была известна власть Цезарей". Дион Кассий (53. 17. 29) пишет, что у императоров есть все, что и у царей, кроме имени. Его современник Геродиан использует *βασιλεύς* как главный термин, обозначающий правителя.

В Поздней империи эта сложная ситуация во многом остается. *Rex* не фигурирует в официальной титулатуре латинских надписей и монет, но на примере SHA и Аврелия Виктора видно, что латинские авторы используют этот термин, хотя и не очень часто. Напротив, у грекоязычных авторов термин *βασιλεύς* очень употребителен. Как правило, термины *rex*, *regnum* используются нейтрально, как синоним к *imperator*, *imperium*, но иногда встречаются и в пейоративном смысле.

Если употребление *rex* показывает абсолютистские элементы власти, то употребление *tyrannus* дает некоторые представления об элементах узурпации. Появившись в греческой политической мысли просто как обозначение нелегитимного правителя, оно постепенно приобретает новый смысл и обозначает правителя дурного, жестокого, эгоистичного и правящего не на благо подданных, а в своих эгоистических целях. Именно в этой двойственности понятие приходит и в Рим. Л. Викерт полагает, что два значения термина *tyrannus* появились в хронологическом порядке: до III в. н.э. господствовал смысл "дурной правитель", который потом был вытеснен смыслом "незаконный"³⁰.

Нам представляется, что положение было несколько сложнее. В Рим пришли одновременно оба понятия, которые уже давно сосуществовали в греческой политической мысли³¹. Цезаря и Августа называли *tyranni* прежде всего за то, что они захватили власть, которая не принадлежала им по закону. Тиберий и Нерон, напротив, были названы так за жестокий характер правления, поскольку их приход к власти был абсолютно легитимным. Между этими понятиями нет глубокой пропасти. Тиран — это тот, кто захватывает власть, ему не принадлежащую, т.е. узурпатор, однако это и тот, кто, будучи законным правителем, не правит для общего блага, а всячески притесняет и подавляет подданных (*Sen. De clem.* I.11.4), т.е. опять-таки присваивает право, которого у него нет.

²⁹ Wickert. *Principes...* Sp. 2112—2115.

³⁰ *Ibid.* Sp. 2171, 2173.

³¹ Фролов Э.Д. Греческие тираны. Л., 1972. С. 4, 5.

Тиранией, таким образом, может считаться и узурпация власти и ее превращение. В словоупотреблении авторов мы действительно можем встретить разные варианты. Оба смысла могут быть связаны, существовать отдельно и даже противопоставляться. Так, в серии биографий, объединенных под названием "Triginta tyranni", автор явно пишет о некоторых из них с симпатией, противопоставляя "законному", но порочному Галлиену. Императоры часто обвинялись в тирании враждебной им пропагандой, кроме того, современники, вероятно, видели какое-то сходство между тиранией и властью императора.

Наконец, особенностью императорской титулатуры было частое использование имен-титолов и тяга к титуляризации имен, ярким примером которых является использование имен "Цезарь" и "Август". Можно найти и ряд других, весьма характерных, хотя и менее распространенных примеров. Это и имя "Антонин", которое брали все императоры вплоть до Гордианов, прозвище "Германик", когномены "Север", "Флавий". Эти имена еще не переходят в титул, но тенденция к этому явно имеется.

Л. Викиерт объясняет это чисто династическими моментами, но причин в данном случае несколько. Называние по имени создавало некую эмоциональную связь с соименным правителем. Кроме того, в связи имени и титула в какой-то мере сохранялась полисно-республиканская традиция, больше ориентированная на личность, нежели на должность и функциональное положение.

Анализ титулатуры правителя показывает довольно сложную картину. Мы видим образ правителя, сложившийся в результате взаимодействия полисно-республиканской традиции и новых тенденций монархии. Принципы эти часто сосуществуют, иногда они даже не противоречат друг другу. Напротив, в других случаях происходит явное столкновение старого с новым, либо вытеснение первого вторым. В некоторых случаях создается некая равнодействующая, создающая имперско-республиканскую традицию. Постепенное вытеснение республиканских или квазиреспубликанских представлений было длительным процессом, а их остатки продолжали существовать даже в поздние периоды.

А.Б. Егоров

QUELQUES PROBLEMES POSES PAR LA TITULATURE DES EMPEREURS ROMAINS

А.Б. Егоров

Les problèmes du principat sont parmi les plus difficiles et les plus discutés de l'histoire antique. Les Romains eux-mêmes étaient conscients du dualisme de leur système, cela se voit aussi bien dans leur théorie politique que dans leur pratique.

Il y a eu quatre opinions différentes sur l'histoire du principat. Avant la *Römische Staatsrecht* de Th. Mommsen, les chercheurs estimaient que le principat était un système monarchique. Après Mommsen, on a pensé que le principat était une diarchie de l'empereur et du sénat. Un nouveau point de vue s'établit avec la parution de l'ouvrage de V. Gardthausen pour qui l'Empire romain était une monarchie à l'état pur. Enfin, A. von Premerstein, J. Béranger, L. Wickert *et al.* se sont de nouveau dressés dans leurs travaux contre la théorie monarchique. Le point faible de leur argumentation est la façon dont ils exagèrent le caractère unique du principat.

L'analyse des titres impériaux révèle certains aspects de ce système. Nous pouvons suivre l'évolution de plusieurs éléments principaux du titre: *princeps*, *imperator*, *Augustus*, *Caesar* et, plus tard, *dominus noster*. Les sources épigraphiques et littéraires montrent que ce n'étaient pas les seuls titres du chef d'Etat romain.

Le terme *princeps* ne désignait pas seulement l'empereur romain, mais aussi les principaux leaders de la République et de l'Empire, ainsi que les chefs et leaders étrangers. Ce terme désigne le leadership au sens large et son sens monarchique est lié à la terminologie de la République.

Le terme *imperator* révèle l'aspect militaire et autoritaire du pouvoir de l'empereur, mais il est très souvent employé comme synonyme de *princeps*. *Dominus noster* reflète le pouvoir le plus fort et c'est pour cela qu'il a pris le dessus à partir du IIIe s., bien qu'il fût apparu dès le Ier s. Quelques éléments d'appréciation nouveaux sont fournis par les termes *rex* et *tyrannus* appliqués au principat.

Le principat était un système dualiste où coexistaient deux tendances: celle de la monarchie impériale et celle de la cité-république. La première fut la plus forte et prédomina, mais elle ne fut pas suffisamment forte pour éliminer la seconde.